

На правах рукописи

ШАОВА СВЕТЛАНА ДОВЛЕТБИЕВНА

**ИСТОРИЯ КАБАРДИНЦЕВ БАССЕЙНА
р. СУНЖА В XVI - СЕРЕДИНЕ XVIII в.
И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВАЙНАХАМИ**

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Краснодар – 2003

Работа выполнена на кафедре регионоведения и специальных исторических дисциплин Армавирского государственного педагогического института

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
ВИНОГРАДОВ Виталий Борисович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
ХУТЫЗ Ким Кансаович
кандидат исторических наук, доцент
МАТВЕЕВ Олег Владимирович

Ведущая организация: Краснодарский государственный
университет культуры и искусств

Защита состоится " ____ " _____ 2003 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д.212.101.03 по историческим наукам при Кубанском государственном университете по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета.

Автореферат разослан " ____ " _____ 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

Матющенко П.П.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В современных условиях, когда важнейшее значение для выхода страны из кризиса имеет возрождение нравственно-духовных ценностей общества, особую роль играет историческая наука. Опыт истории должен служить правильному пониманию современной общественной жизни, научному предвидению. Вглядываясь сегодня в прошлое, мы осмысливаем его, открываем и оцениваем заново имена, факты, события, обращаемся к поучительным урокам истории, главный из которых - взаимопонимание и тесное взаимоотношение, взаимодействие людей, принадлежащих к разным этносам, вероисповеданиям, культурным и ментальным традициям.

Важное значение для гармонизации межэтнических отношений на современном этапе, формирования истинного понимания и доверия народов может иметь изучение тесных и долгих, многогранных связей северокавказских народов между собой, в частности, кабардинцев и вайнахов (чеченцев, ингушей, карабулаков).

Берега Терека и его притоков издавна были населены необычайно пестро по этническому составу и любые попытки национального самовозвеличивания, приписывания исключительных заслуг той или иной этнической группе немедленно оборачиваются здесь несправедливостью по отношению к другим народам¹.

Важность обращения к этой теме объясняется и тем, что позднесредневековая история Кабарды и вайнахов изучена явно недостаточно по сравнению с историей племен предшествующих эпох указанного региона. К тому же изучение "контактных" зон является сегодня одним из общепризнанных приоритетов в исторической науке.

Своевременность представленной работы заключается в том, что во всех коллективных и монографических трудах по истории конкретных республик и краев, как и всего Северного Кавказа, поднимаемая проблематика или не освещается, или затрагивается вскользь, в то время как кабардино-вайнахские многовековые взаимоотношения несут в себе высокий потенциал научно-познавательного свойства, востребованность опыта которого

¹ Виноградов В.Б. К трактовке социально-политического содержания и религиозной оболочки войн и народных движений на Северном Кавказе в эпоху средневековья // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. - Вып.1. - Грозный, 1978. - С. 142

чрезвычайно важна для решения сегодняшних задач северокавказской и общероссийской действительности.

Объектом настоящего диссертационного исследования является история кабардинцев, самой восточной их ветви, населявшей Малую Кабарду. **А предметом** - историческая специфика и функциональная роль восточной группы кабардинцев в многогранных и длительных контактах с полиэтничным окружением, их соседями-вайнахами на долгом пути исторического развития.

Территориальные рамки исследования. Географический ареал данной диссертации определяется выявлением зоны прямых контактов и соседства кабардинцев и вайнахов в бассейне р.Сунжа.

В эпоху позднего средневековья адыги сперва сезонно присутствовали, а затем и прочно расселились на обширных пространствах предгорно-равнинной зоны Северного Кавказа от Прикубанья на западе до р. Сунжи на востоке. В определенный отрезок истории самая восточная ветвь адыгов освоила немалую часть земель по правому берегу Терека, вступив в непосредственное соприкосновение с прямыми предками чеченцев и ингушей.

Речь идет о заметной части земель Малой Кабарды между правобережьем Терека и левобережьем его притока Сунжи у подножья Черных гор. Именно здесь происходило наиболее интенсивное взаимодействие кабардинцев и вайнахов.

Хронологические рамки работы. Довольно длительное пребывание кабардинцев в сунженском бассейне Терека имеет свои хронологические пределы. Источники XVI века фиксируют стабильное пребывание кабардинцев на указанной территории, что и определяет нижнюю хронологическую границу представленного исследования.

Примечательно, что не позднее рубежа XVI-XVII вв. происходит интенсивное формирование т.н. Малой Кабарды, население которой в самых тесных связях с окрестными обитателями (в том числе вайнахами) сыграло значительную роль в исторических событиях начального периода межкавказской интеграции, протекавшей со всё возрастающим влиянием Российского государства.

С середины XVII века происходит постепенное продвижение вайнахских этнических групп на север по терско-сунженским долинам и вытеснение кабардинцев с ранее освоенных территорий. Этот процесс завершается в начале второй половины XVIII в., когда кабардинцы уходят с Сунжи. Таким образом хронологические рубежи (XVI - середина XVIII в.) представляются достаточно обоснованными.

Степень изученности проблемы. При всей внушительности специальной литературы, так или иначе затрагивающей поднимаемые вопросы, сводного монографического труда по исследуемой теме нет. Имеющиеся статьи и публикации чаще всего "узкопредметны" и базируются на ограниченной базе данных (лингвистических, археологических, топонимических и т.п.), что не позволяет представить общую картину исторических процессов в исследуемом микрорегионе.

Положение усугубляется и состоянием исторической науки на Северном Кавказе в конце XX - начале нынешнего столетия. Объективные исследования проблем межэтнических взаимоотношений и взаимодействий уступили место (за редчайшим исключением) этноцентрическому, "национальному" подходу со всеми присущими ему достоинствами и издержками¹. Преодоление обозначенных негативных тенденций давно назрело.

Цель и задачи исследования. Учитывая, что кабардино-вайнахские взаимоотношения в XVI - середине XVIII в. еще не становились предметом монографического исследования, автор поставил перед собой цель: раскрыть историю прошлого соседства указанных народов и виды их взаимодействия.

В рамках поставленной цели автор пытался решить следующие задачи:

1. Предпринять максимально полную мобилизацию разнообразных источников для комплексного использования их в освещении темы.
2. Осветить вопросы хронологии и динамики кабардинского обитания на границах расселения вайнахских племен.
3. Показать характер и содержание внутрикавказских взаимоотношений на конкретном межэтническом примере, в контексте эпохально мотивированного возрастания места и роли адыгов и вайнахов в политике России на Кавказе.

Методологическая основа диссертации. В основу исследования был положен принцип историзма, требующий рассмотрения всех произошедших событий в процессе их возникновения и развития в конкретной обстановке, с выявлением их значения для последующей исторической перспективы. Изучение всех событий производилось в хронологической, содержательно-смысловой последовательности.

Вторым важнейшим принципом стал принцип объективности, что дало возможность рассматривать явления прошлого без пристрастий, что

¹ Подробно см.: Шеуджен Э.А. Проблемы северокавказской историографии // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов. - Ростов н/Д, 2000.

по крайней мере, отчасти, достигалось использованием многообразных фактов, которые отбирались только по тематическому признаку. По словам В.Н.Гамрекели: "Изучая вопросы взаимоотношений народов в прошлых веках, мы обнаруживаем их двойственный характер: дружба, сотрудничество и вражда, польза и вред, благоприятствование и препятствование тесно переплетаются... Нужно иметь мужество смотреть фактам в лицо, не закрывать на них глаза, какого бы характера они не были, не обходить молчанием и не затушевывать факты..."¹.

Ряд научных методов:

- историко-системный;
- историко-сравнительный;
- аналитический

позволил изучить исторические процессы, протекавшие в рассматриваемом ареале в XVI-XVIII вв.

Комплексный подход к использованию источников помог дать более глубокую оценку внутрикавказским межэтническим связям (от первичных контактов до заметных и значимых элементов взаимодействия).

По словам академика И.Д.Ковальченко: "Вся история человечества - это растущее общение взаимосвязь и взаимовлияние народов"². В контексте новой периодизации всемирной истории, апробируемой с 1993 года научно-педагогической школой В.Б.Виноградова, к которой принадлежит и автор, исследуемый нами период вписывается в IV этап (XVI-XIX вв.)³, когда происходило развитие важнейших мировых интеграционных процессов, в которые народы Кавказа внесли свой эпохально обусловленный вклад.

Источниковая база диссертации достаточно обширна и разнообразна. Важнейшую группу источников составляют **письменные** (документальные и нарративные). Публикация их началась еще в дореволюционный

¹ Гамрекели В.Н. Об изучении прошлого // Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. - Тбилиси. - 1968, С. 12.

² Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история, 1995, № 1. - С. 20.

³ Виноградов, В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. Основные этапы всемирной истории. - Армавир, 1993; К обсуждению методического материала «Основные этапы всемирной истории». - Армавир, 1994; см.: Восток, 1995, № 5; Российский исторический журнал. 1995, № 1; Вторые научные чтения по всеобщей истории, посвященные памяти академика С.Д.Сказкина. - Ростов н/Д, 1995 и др.

период и продолжается по сей день¹. Они проливают свет на местную политическую историю, характеризуют положение северокавказских народов в системе противостояния великих держав, прежде всего Российской и Османской империй.

Особняком стоят письменные свидетельства очевидцев и участников местной истории второй половины XVIII века - офицеров, ученых (Штедер, Рейнеггс, Гюльденштедт, Потоцкий, Паллас и др.). Их сочинения содержат интересные сведения о более ранних событиях и процессах в регионе².

Археологические памятники представлены кабардинскими курганными могильниками, которые известны в 22 пунктах Ингушетии и Чечни. Начало их изучению было положено в дореволюционный период³. А в советское время кабардинские некрополи неоднократно подвергались фиксации и раскопкам (с. Барсуки, Плиево, Яндырка - 1925 г. - Л.П.Семенов; с. Ачхой-Мартан, Карабулак - 1936, 1938 гг. - Г.В.Подгаецкий; с. Алхасте - 1937 г., ст. Нестеровская - 1939 г. - Е.И.Крупнов; с. Бамут - 1958-1960 гг., Ачхой-Мартан - 1967 г. - Р.М.Мунчаев, М.Х.Багаев; с. Яндырка, Али-Юрт, Газий-Юрт, Сурхахи - 1978-1983 гг. - В.Б.Виноградов, Р.А.Даутова, Х.М.Мамаев с участием автора диссертации)⁴.

¹ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. - Вып. I. - М., 1889; он же. Посольство Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639-1640 гг.) // Чтения ОИДР. - Кн. 2. - М., 1887; Полиевктов М.А. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615-1640. - Тифлис, 1937; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. - Т. I-II. - М., 1957; Русско-дагестанские отношения. - Махачкала, 1958; Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. - Тбилиси, 1968; Территория расселения кабардинцев и балкарцев в XVIII - начале XX в. Сборник документов. - Нальчик, 1992; Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. I: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX вв. Сборник документов. - М., 1996; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сборник документов. - М., 1997.

² См.: Скитский Б.В. Хрестоматия по истории Осетии. Ч.1. - Орджоникидзе, 1956; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. /Сост. В.К.Гарданов. - Нальчик, 1974; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - нач. XX в. - М., 1974; Аталиков В.М. Страницы истории. - Нальчик, 1987.; он же. Наша старина. - Нальчик, 1996.

³ Антонович Б.В. Дневник раскопок, веденных на Кавказе в 1879 г. // V археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. - М., 1882; Беренштам В.Л. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе // там же; Долбежев В.И. Извлечение из отчета о раскопках в 1898 г. // ОАК за 1898 г. - СПб, 1901; он же. Отчет о раскопках в 1891 г. // ОАК за 1891 г. - СПб, 1904.

⁴ Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. - Грозный, 1963; Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Бамутский курганный могильник XIV-XVI вв. // ДЧИ. - М., 1963; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. - Грозный, 1966 и др.

Археологические материалы позволяют датировать конкретные объекты, связанные с пребыванием кабардинцев у подножия "вайнахских гор", и детализировать представления об их материальной и духовной культуре.

Антропологические источники - это полевые материалы, которые были собраны в Бамутских курганах по инициативе Е.И.Крупнова и частично обработаны М.М.Герасимовым¹.

Лингвистические источники представлены фондом словарных речевых вайнахо-кабардинских совпадений и заимствований². Автор диссертации, владеющий адыгским и чеченским языками, составил собственный сопоставительный словарь.

О присутствии кабардинцев в рассматриваемом районе свидетельствуют **топонимические данные**. Шолох-Юрт, Алхасте, Сагопши, Кескем, Малгобек, Ачалуки, Назрань и другие названия населенных пунктов, урочищ и отдельных природных объектов (Хушако, Жигзакож, Азопш, Ачамза-Барц, Козаш-Барц) позволяют уточнить места поселений и захоронений ("чергси каш барц") кабардинцев³. В сборе "черкесской" топонимики автор принимал непосредственное участие.

Картографические источники позволяют конкретизировать кабардинские и вайнахские места жительства и их перемещения. Это "Книга Большому чертежу", "Русская карта Северного Кавказа, составленная в 1719 году", "Карта реки Терека и части Малой Кабарды и Грузии", фрагменты карты Северного Кавказа Вахушти Багратиони и др.⁴

¹ Древности Чечено-Ингушетии. - М., 1963. - Рис. 1, 2.

² См.: Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. - Грозный, 1963; Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. - Махачкала, 1975; он же. Нахские языки и культура. - Грозный, 1978; Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. - Грозный, 1979.

³ Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. - Т. 1-4. - Грозный, 1976, 1978, 1980, 1982; Коков Дж.Н. Адыгская (черкесская) топонимия. - Нальчик, 1974; Виноградов В.Б. Время, горы, люди. - Грозный, 1980; Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. - Майкоп, 1981 и др.

⁴ См.: Виноградов В.Б., Магомедова Т.С. Первая русская карта Северного Кавказа // Вопросы истории. - 1976, № 6; Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. - Тбилиси, 1968; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. - М., 1971; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т. II. - М., 1957; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII- начале XX вв. - М., 1974.

В качестве **изобразительных материалов** использовались летописные миниатюры, зарисовки авторов ХУШ в. Ряд сюжетов связаны с художественными работами научных экспедиций И.А.Гюльденштедта (1768-1774 гг.), П.С.Палласа (1770-1772; 1793-1794 гг.), Я.Потоцкого (1798 г.)¹. Они выполнены в стиле этнографических рисунков и передают реальный облик кабардинцев и вайнахов, с присущими им одеждой и вооружением.

Эпиграфические памятники представлены надписями на надгробиях, тамгообразными петроглифами². Последние расположены на позднесредневековых архитектурных сооружениях Чечни и Ингушетии. Они очень близко напоминают, а порой и тождественны кабардинским тамгам, что позволяет говорить о влиянии обитателей равнин на их соседей-горцев.

Важнейшим источником послужил **фольклор** кабардинцев и вайнахов, включающий как песенный, так и прозаический жанры³. Произведения устного народного творчества отразили характер кабардино-вайнахских отношений, в поэтической форме запечатлели многие реальные события и процессы. Интересно, что зона "фольклорной активности" кабардинцев совпадает с территорией нахождения археологических памятников, связанных с ними же.

Комплексное использование источников, их предельная мобилизация, анализ и междисциплинарный синтез позволяют наиболее полно воссоздать историю кабардинского присутствия в бассейне Сунжи и охарактеризовать отношения восточной ветви адыгов с ближайшими соседями - вайнахами.

Научная новизна выполненной работы состоит в том, что

- впервые предпринята попытка синтеза разнообразных и разнохарактерных источников и осуществлена наиболее полная и всесторонняя реконструкция истории пребывания кабардинцев в бассейне р. Сунжа и их взаимоотношений с вайнахами;

¹ См.: Волкова Н.Г. Изобразительные материалы как источник изучения материальной культуры народов Кавказа // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX -XX вв. - М., 1971; Виноградов В.Б. Памяти вечная нить. - Грозный, 1988; Аталиков В.М. Наша старина. - Нальчик, 1996 и др.

² См.: Лавров Л.И. Об арабских надписях Кабардино-Балкарии // УЗ КБНИИ. - Т. XVII. - Нальчик, 1960; он же. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. - Т. I-III. - М.; Л., 1967, 1968, 1970; Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. - Л., 1971.

³ Поэзия Чечено-Ингушетии. - М., 1959; Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. - Грозный, 1979; Антология чечено-ингушской поэзии. - Грозный, 1981; Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. - Грозный, 1996; Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI-XIX веков. - Нальчик: Эльбрус, 1973; Чеченские песни о кабардинцах. - Нальчик, 1999 и др.

- история кабардинцев исследуется в четких территориально-хронологических рамках, "контактной зоне", что позволило показать их весьма значительную и многомерную роль в северокавказском историческом процессе;

- взаимодействие кабардинцев и вайнахов рассмотрено с учетом интеграционных процессов не только Северного Кавказа, но и с ходом построения российско-кавказского государственного единства;

- проанализирован характер кабардино-вайнахских связей в политической, социальной, этнокультурной сферах и показаны их результаты, нашедшие отражение почти во всех сферах повседневной жизни соседствующих народов.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы:

- для написания обобщающих трудов по истории Кабарды, Ингушетии, Чечни, истории Северного Кавказа в целом;

- при разработке спецкурсов по отечественной истории, регионоведению, археологии и этнологии;

- в широкой просветительской работе по распространению в обществе позитивного опыта взаимоотношений северокавказских народов, что поможет преодолеть изучение прошлого и настоящего региона с позиций конфликтологии.

Уже опубликованные научные разработки автора находят свое применение в статьях и книгах специалистов, изучающих смежную проблематику.

Апробация результатов исследования производилась на заседаниях кафедры регионоведения и специальных исторических дисциплин Армавирского государственного педагогического института, в процессе обсуждения докладов и сообщений автора на международных научно-просветительских конференциях "Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа" (Армавир - 2000; 2002), региональных научно-практических конференциях "Историческое регионоведение Северного Кавказа - вузу и школе" (Армавир - 1999; 2001), "Археология, этнография и краеведение Кубани" (Краснодар - 2001; 2002), на аспирантско-преподавательских семинарах кафедры РСИД АГПИ (Армавир - 2000; 2001), в виде статей в сборниках научных трудов "Вопросы северокавказской истории" (Вып. 5. - 2000; Вып. 6. - 2001), в учебном процессе АГУ при разработке спецкурсов по истории Адыгеи и дисциплин по выбору в разделе "Региональный вузовский компонент".

Всего по диссертационной теме вышло в свет пять публикаций (статьи и тезисы докладов общим объемом 1,1 п.л.), отразивших основные положения и выводы работы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации отвечает цели и задачам исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, а также списка использованных источников и литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы, очерчены хронологические и географические рамки, сформулированы цель и задачи исследования, показаны научная новизна диссертации и ее апробация.

В **Главе I** "Состояние источников и историография проблемы" обозначен и охарактеризован круг источников, используемых в диссертации, и показана степень изученности проблемы.

Известный интерес к рассматриваемой теме проявился уже в дореволюционный период. Начальным этапом в изучении не только собственно истории, этнографии, языка кабардинцев и вайнахов, но и их взаимоотношений следует считать последние десятилетия XVIII в., когда Российское государство приступает к всестороннему изучению северокавказского региона. Труды нескольких экспедиций Академии Наук, описания оставленные иностранцами, состоявшими на военной или иной службе, путешественниками, содержат некоторое количество сведений, касающихся соседства и партнерства кабардинцев и вайнахов.

В сочинениях С.М.Броневского, П.Г.Буткова сообщаются данные о расселении кабардинцев и вайнахов и их соседстве в районе р. Сунжа, об известной зависимости в прошлом "кистов" от князей Малой Кабарды¹.

Примерно те же вопросы на основе преданий и других фольклорных свидетельств освещены в трудах северокавказских просветителей XIX в. С.Хан-Гирея, Ш.Б.Ногмова, У.Лаудаева².

¹ Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеновым Броневским. - М., 1823; Бутков П.Г. Материалы по истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Т. 1-3. - Тифлис, 1869.

² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. - Нальчик, 1978; Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. - Нальчик, 1982; Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. - Тифлис, 1872.

Отдавая дань уважения дореволюционным историкам, отметим, что исследователи второй половины XIX - начала XX в. (Н.Ф.Дубровин, А.Б.Берже, В.А.Потто и др.) исключительное внимание уделяли политике российского правительства, русско-северокавказским связям и почти не учитывали внутрикавказские региональные отношения.

После победы Советской власти и особенно со второй половины 1920-х гг., когда создается сеть научно-исследовательских институтов в автономных областях и республиках, изучение истории народов Северного Кавказа значительно оживилось. Этот этап в становлении советской исторической науки был сильно идеологизирован. Ученых интересовали прежде всего социальный строй и классовая борьба.

Появились и первые реальные наработки в русле рассматриваемой темы. Следует отметить труды Г.А.Кокиева, который высказал свое мнение о роли князя Темрюка Идарова в истории Северного Кавказа и сближении Кабарды с Россией, о расселении кабардинцев на восток после походов эмира Тимура и др.¹

С середины 20-х гг. XX в. разворачивает полевые исследования и широкую публикацию материалов Л.П.Семенов. В его работах получают систематизацию и осмысление не только археолого-архитектурные памятники средневековых ингушей, но и синхронные древности их соседей в бассейне р. Сунжа (кабардинцев, брагунцев и др.); публикуются отдельные фольклорные сюжеты на тему кабардино-ингушских связей, привлекаются данные топонимии, языка, этнографии².

О передвижении и контактах некоторых северокавказских народов в XVIII в. есть сведения у А.Н.Генко, Б.Далгата³. Отдельные эпизоды кабардино-вайнахских отношений восстанавливались на основе фольклорных и иных материалов.

¹ Кокиев Г.А. К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов // Ученые записки Ин-та этнических и национальных культур народов Востока. - Т. II. - М., 1930; он же. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // Исторические записки. - Т. 2. - М., 1938; он же. Малокабардинские поселения в XVI-XVIII вв. на Северном Кавказе // УЗКНИИ. - Т. II. - Нальчик, 1947.

² Свод статей 1920-30-х гг. см.: Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. - Грозный, 1963.

³ Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // ЗКВ. - Т. V. - М.; Л., 1930; Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // Известия ЧИНИИЯЛ. - Вып. IV. - Грозный, 1934.

В довоенный период были написаны работы Е.И.Крупнова и М.К.Любавского, опубликованные после смерти авторов¹. В них проанализированы факты, связанные с политическими событиями в регионе в XVI-XVIII вв. Е.И.Крупнов, кроме того, привлек сведения о кабардино-вайнахском культурном взаимодействии в эпоху позднего средневековья.

Годы Великой Отечественной войны и депортации чеченцев и ингушей (1944-1957 гг.) прервали любые возможности изучения прошлого вайнахов в неразрывной связи их с внешним миром. Вместе с тем, в конце 1940-х - 1950-е гг. происходит заметный рост кабардиноведения, публикуются многочисленные документы о русско-кабардинских отношениях в XVI-XVIII вв.

В этом контексте должны восприниматься работы Л.И.Лаврова, в которых дата освоения кабардинцами самой восточной их территории определялась второй половиной XIII в.² Одновременно были предприняты попытки суммирования накопленных знаний о кабардинских курганных могильниках на равнинах Северного Кавказа, однако о соседях кабардинцев на востоке ничего не сообщалось³.

Эти и другие односторонности и деформации стали энергично преодолеваются после 1957 года с восстановлением Чечено-Ингушской АССР и возобновлением деятельности Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

Фольклористы уже в конце 1950-х гг. возродили традицию издания на родных и русском языках выразительных образцов вайнахского исторического песенного творчества, среди которых было немало отразивших давние и разносторонние связи с кабардинцами. Исследования исторического фольклора бывших соседей продолжились в 1970-80-е гг.⁴

¹ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. - М., 1971; Любавский М.К. Обзор русской колонизации с древнейших времен до XX в. - М., 1996.

² Лавров Л.И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. - Вып. 3. - Нальчик, 1954; он же. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. - 1956, № 1.

³ Минаева Т.М. Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае // МИСК. - Вып. VI. - Ставрополь, 1954; Милорадович О.В. Кабардинские курганы XIV-XVI вв. // СА. - Т. XX. - М., 1954.

⁴ Библиографию см.: Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. - М., 1972. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI-XIX вв. - Нальчик, 1973; Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. - Грозный, 1978; он же. Чечено-ингушские предания об адыго-вайнахских связях // Актуальные проблемы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. - Нальчик, 1986; Геронико-исторический эпос народов Северного Кавказа. - Грозный, 1988 и др.

Археологи, возглавляемой Е.И.Крупновым Северокавказской Археологической экспедиции Института археологии АН СССР приступили к исследованию памятников средневековья Чечено-Ингушетии, оставленных не только вайнахами, но и их соседями. В 1961 году вышла книга Е.И.Крупнова, на страницах которой впервые нашел себе место документированный данными археологии этюд о кабардино-вайнахском соседстве в долине р. Фортанги "в XIV-XVI вв."¹. Вскоре в научный оборот были введены новые данные из кабардинского курганного могильника у с. Бамут².

Внимание исследователей к проблеме русско-кавказских связей и единства, определившееся в качестве одной из генеральных тенденций в развитии исторической науки с конца 1950-х гг., вылилось в ряд трудов³, в которых есть сюжеты, относящиеся к исследуемой теме (панорама расселения народов Северного Кавказа, уровень их социально-экономического развития, хозяйственные занятия).

Достаточно схематично сюжеты, связанные с непосредственными контактами кабардинцев и вайнахов, освещены в обобщающих трудах⁴. Но в них был подведен определенный итог предшествующим исследованиям.

Вышедшие в 1970-е гг. работы Э.В.Ртвеладзе⁵ содержали аргументированную версию массового переселения кабардинцев в бассейн Терека после походов среднеазиатского эмира Тимура. Доводы автора были приняты и конкретизированы другими исследователями⁶.

¹ Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. - Грозный, 1961.

² См.: Древности Чечено-Ингушетии. - М., 1963.

³ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI - 30-е годы XVIII в. - М., 1963; Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР, 1980, № 5; Вехи единства. - Грозный, 1982 и др.

⁴ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. - Т. I. - Грозный, 1967; История Кабардино-Балкарской АССР. - Т. I. - М., 1967; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. - М.: Наука, 1988.

⁵ Ртвеладзе Э.В. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа // Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. - Грозный, 1973; он же. О походе Тимура на Северный Кавказ // АЭС. - Т. IV. - Грозный, 1976.

⁶ См., например: Хизриев Х.А. Походы Тимура на Северо-Западный и Центральный Кавказ // ВИСИ. - Вып. 9. - Грозный, 1977; Криштопа А.Е. Еще раз о маршруте Тимура на Северный Кавказ // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. - Грозный, 1979.

Значительным событием в кавказоведении следует признать выход в свет двух монографий Н.Г.Волковой¹, где рассмотрены назревшие вопросы этнической карты Северного Кавказа в XVIII - начале XX в. Однако сугубо этнографическая направленность этих работ не позволила многомерно реконструировать местный исторический процесс. Но они актуализировали интерес исследователей к межэтническим внутрикавказским отношениям.

В.И.Марковин и М.Б.Мужухоев, в русле осмысления кабардинского Бамутского некрополя, высказали перспективную идею: "Было бы интересно, продолжив раскопки подобных курганов, изучить взаимоотношения пришлого, кабардинского населения с местным - вайнахским"², но она так и не была принята к разработке, хотя во многих коллективных и монографических трудах кабардинская составляющая местных социально-экономических и политических процессов обязательно учитывалась. В частности, представителями научно-педагогической школы В.Б.Виноградова уделялось пристальное внимание полиэтничной плоскости, и в том числе пребыванию на территории Чечено-Ингушетии кабардинцев, что нашло отражение в ряде работ³.

К концу 1980-х гг. в связи с нарастанием драматических событий в Чечне, общим кризисом отечественной исторической и особенно региональной науки изучение истории пребывания кабардинцев в бассейне Терека и Сунжи фактически прекратилось. Однако полный вакуум не возник, так как проблема кабардино-вайнахских взаимоотношений изучаемого периода оказалась в фокусе устойчивого интереса ученых Кабардино-Балкарии. Х.Яхтанигов впервые предложил свое видение кабардино-вайнахских связей через призму изучения общих тамг⁴. Б.К.Мальбахов и

¹ Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. - М., 1973; она же. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - начале XX века. - М., 1974.

² Марковин В.И., Мужухоев М.Б. Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1979. - С. 17.

³ Виноградов В.Б. Время, горы, люди. - Грозный, 1980; Даутова Р.А., Мамеев Х.М. Археологические памятники средневековья у сел. Али-Юрт (Чечено-Ингушетия) // СА, 1979. - № 2; Даутова Р.А. Кабардинские курганы на территории Чечено-Ингушетии // Тезисы докладов XII Крупновских чтений. - М., 1982; Виноградов В.Б., Великая Н.Н., Нарожный Е.И. На Терских берегах. Очерки исторических групп старожильческого населения Среднего Притеречья. - Армавир, 1997; На стыке гор и равнин; проблемы взаимодействия // Материалы аспирантско-преподавательских семинаров. - Вып. 3. - Армавир, 2000 и др.

⁴ Яхтанигов Х. Северокавказские тамги. - Нальчик, 1993.

К.Ф.Дзамихов один из разделов своей ценной книги посвятили "Кабарде и историческим связям России с Чечней и Ингушетией", где кабардино-вайнахские взаимоотношения показаны в контексте политической истории¹. Дополнительный свет на расселение кабардинцев в границах Малой Кабарды, их взаимоотношения с соседями проливают новейшие труды Н.Г.Ловпаче, Р.Х.Гугова, А.Х.Нагоева, Б.М.Мокова, К.Ф.Дзамихова².

В последнее время наметилось возрождение исследовательского интереса к кабардино-ингушским взаимоотношениям в научных и вузовских центрах г.Назрань. Наряду с ревизией соответствующих памятников Ингушетии археологами, С.Б.Бурков предпринял попытку комплексного изучения полиэтничного состава средневекового населения на территории нынешнего Малгобекского района - важной части исторической Малой Кабарды³. А Б.Д.Газиков изложил свое видение вопроса о "кабардинских завоеваниях в Ингушетии во второй половине XVI века"⁴.

Следует ожидать развития этой тенденции в русле активного включения работ местных специалистов в единое историографическое "поле" Северного Кавказа.

Таким образом история накопления источников и изучения заявленной темы насчитывает более двух веков и восходит к трудам деятелей Российской Академии Наук, описаниям путешественников, публикациям горских просветителей, ознаменовавшим научное открытие Северного Кавказа и его полиэтничного населения, в том числе и интересующего нас микрорегиона. Однако в дореволюционный период была воссоздана лишь самая скудная канва кабардино-вайнахского соседства в бассейне рек Терека и Сунжи.

В советский период осмысление исторического процесса большей частью происходило с одной стороны в границах национально-государственных образований Северного Кавказа, а с другой - при рассмотрении

¹ Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. - Нальчик, 1996.

² Ловпаче Н.Г. Этническая история Западной Черкесии. - Майкоп, 1997; Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. - Нальчик, 1999; Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. - Нальчик, 2000; Моков Б.М. Кабарда второй половины XVI-XVII веков. - Нальчик, 2001; Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия. - М., 2000; и др.

³ Реестр археологических памятников предгорной и плоскостной зоны Ингушетии // Вестник Археологического центра. - Вып. I. - Назрань, 2001; Бурков С.Б. Археология Ингушетии: история и современность. - Назрань, 2001.

⁴ Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Статьи по истории Ингушетии. - Назрань, 2002. - С. 59.

"макрорегиональных" проблем предпочтение отдавалось изучению политических взаимоотношений с соседними народами, Россией, значительно меньше внимания уделялось внутрикавказским взаимодействиям и связям в иных сферах. Однако усилиями многих историков тема не была подвергнута полному забвению, что сделало возможным написание предлагаемой диссертации.

Глава II "Вопросы хронологии и динамики кабардинского расселения на границах обитания вайнахских племен" состоит из трех параграфов.

В первом параграфе - "О времени и условиях освоения кабардинцами плоскостного Терского правобережья" освещаются спорные вопросы о времени и условиях миграции части адыгов (а именно кабардинцев) на равнины Предкавказья, где они освоили плоскостные земли Пятигорья, Северной Осетии, Ингушетии и Чечни.

Ряд исследователей относил колонизационную волну кабардинцев, достигшую бассейна р. Сунжа, к XIV-XVI вв. (Т.М.Минаева, О.В. Милорадович).

Л.И.Лавров предложил более раннюю дату (вторая половина XIII в.), исходя из глубоких перемен в этно-политической карте региона, обусловленных монголо-татарскими завоеваниями и истреблением, вытеснением из равнинной зоны живших здесь ранее алан и кипчаков.

В противоположность этому Г.А.Кокиев, Х.О.Лайпанов, В.Б. Виноградов, Э.В.Ртвеладзе считали, что включение равнинных земель Северного Кавказа в границы Золотой Орды, возникновение здесь долговременных городских центров (на р. Куме, в Пятигорье, вдоль равнинного течения Терека и Сунжи), ханских ставок и пр. не могло создать благоприятных условий для миграций кабардинцев. К тому же сами адыги Прикубанья и побережья Черного моря сильно пострадали от завоевателей. Реальные перспективы для широкого расселения части адыгов могли открыться после поражения Золотой Орды на Куликовом поле (1380 г.) и страшного разгрома ее стороны среднеазиатского эмира Тимура (1395-1396 гг.).

Письменные источники времен похода Тимура (Низам-ад-дин Шами, Шараф ад-дин Йезди), дающие подробную информацию о Северном Кавказе, не фиксируют пребывания адыгов в Притеречье. Добавим к этому летописные рассказы о событиях 1319 г., мавзолеем Борга-Каш 1405/6 г., оставленный тюркоязычными кочевниками сунженского побережья. Долгое время кабардинские древности в бассейне р. Терек датировались весьма условно (XIV-XVI вв.), т.к. погребальный инвентарь этого периода был

совершенно однотипен (Э.В.Ртвеладзе) и точная датировка представляла большие трудности (Е.Н.Кушева). Однако позднейшие исследования А.Х.Нагоева позволили выделить из общей массы кабардинских курганов две хронологически различающиеся группы: XIV-XV и XV-XVII вв. Последние и расположены от Пятигорья до бассейна Сунжи, что подтверждается и изысканиями Е.И.Нарожного, осуществившего сравнительный анализ адыгских некрополей и комплексов Закубанья, Пятигорья, Северной Осетии и равнинной Ингушетии.

Эти и другие данные говорят в пользу рубежа XV-XVI вв., как нижней хронологической даты первоначально эпизодического появления на правобережье Терека кабардинцев и начала XVI в., как их массового присутствия в исследуемом географическом ареале. Середина этого столетия знаменует собой уверенное вхождение восточных кабардинцев в эпоху их "письменной истории", когда русские, достаточно осведомленные, источники не оставляют сомнений в стабильности границ Кабарды, включавшей в свой состав и равнинные районы бассейна р. Сунжа.

Во втором параграфе "Кабардинское население Сунженского побережья в XVI - начале XVIII в." выясняется, что "черкесы" первоначально использовали эти земли для сезонного пребывания. Ко второй половине XVI в. район становится важной частью владений Темрюка Идарова, а затем и его потомков (будущие князья Черкасские), именуясь в источниках "Идаровой Кабардой". Кабардинские князья, возглавляемые Темрюком, заняли твердую дружественную позицию по отношению к Московскому государству, проложив международную трассу - Черкасскую и Кабардинскую дороги - для сообщения с далеким союзником и покровителем (царем России), другими северокавказскими племенами, Грузией.

За десятилетие (1558-1567 гг.) у Темрюка Идарова шесть раз побывали русские послы и не менее четырех раз ему была оказана весьма существенная военная помощь для усмирения недовольных его политикой "недругов". Не случайно, русские городки 1567 и 1578 гг. были построены в устье Сунжи, служа целям обороны Идаровых земель.

До конца XVII в. кабардинцы густо населяли равнинные пространства берегов Сунжи и ее притоков, распространяли свое влияние вплоть до низовий Терека. Именно этот район так богат позднесредневековыми кабардинскими курганами.

Идаровы были не единственными кабардинскими колонистами Терского правобережья. Другими князьями Малой Кабарды являлись выходцы

из рода Талостана (Таусултана). А согласно устной традиции, бытовавшей в XIX в., бесленеевский князь Гилякстан из фамилии Исканока (Канока) бежал из-за Кубани "по кровопролитию" и дошел со своим аулом до р. Ямансу. После его смерти сыновья Жамурза и Каншау возвратились по р. Сунжа на р. Кинбла (Кумбулей) и оттуда, перейдя Кабардинский хребет, расположились на р. Пседахе. От Каншау вела свое происхождение фамилия Ахло, от Жамурзы - Мударо.

По свидетельствам письменных источников и картам начала XVIII в., в XVII в. селения Малой Кабарды значительно реже меняли свое местоположение, что свидетельствует о прочной оседлости, временном прекращении феодальных распрей перед лицом усилившегося давления со стороны стремившихся на плоскость вайнахов.

Третий параграф II главы называется "Внутренние перемещения и уход кабардинцев из бассейна Сунжи в середине XVIII в." и посвящен динамике адыгских миграций.

В.И.Марковин и М.Б.Мужухоев, подводя итоги изучения кабардинских древностей Чечни и Ингушетии, констатировали: "Не очень ясны причины отхода адыгских племен с берегов Сунжи к пределам Центрального Кавказа"¹. Действительно, письменные источники освещают в основном кабардино-русские взаимосвязи и не уделяют внимания особенностям отношений адыгов с соседними народами. Теряют свою информативность и археологические памятники, так как с рубежа XVII-XVIII вв. под влиянием мусульманства кабардинцы отказываются от погребальной курганной традиции. Принципиально важное значение в этих обстоятельствах приобретают картографические материалы, где в этот период фиксируется чрезвычайная густота вайнахских поселений, скопившихся у выхода на плоскость, занятую кабардинцами.

Попытка перекрыть вайнахам путь на равнину, а также усиливающиеся княжеские междоусобицы и агрессия со стороны султанской Турции и ханского Крыма привели в 1730-1740 гг. к перегруппировке мест основного обитания кабардинцев, приблизив их к подножию населенных вайнахами Черных гор, что в свою очередь обострило их взаимоотношения с "горными людьми", неуклонно выдвигавшимися на север.

¹ Марковин В.И., Мужухоев М.Б. Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1979. - С. 17.

С середины XVIII в. наблюдается заметный отток кабардинцев из рассматриваемого района и прочное его освоение вайнахами.

III Глава "Характер и содержание кабардино-вайнахских взаимоотношений с XVI по середину XVIII в." состоит из двух параграфов.

Первый параграф ("Военно-политические и социальные отношения") обосновывает представление о том, что кабардинское присутствие в равнинной части бассейна р. Сунжа к началу XVI века сложилось не посредством захвата чьей-либо территории, а путем плавной постепенной миграции и освоения адыгами части опустевших земель.

Кабардинские владельцы постепенно накапливали опыт контактов с новыми соседями, в частности, с вайнахами. Последние вовлекались ими в российские военно-дипломатические акции в районе Дарьяла.

Вайнахи становились объектами постоянных набегов со стороны кабардинцев, что приводило к складыванию определенных форм зависимости, выплате дани (скотом, зерном, шкурами диких животных и пр.). Эта зависимость могла возникнуть во второй половине XVI века в связи с усилением Кабарды как нового и до поры единственного союзника Москвы на Северном Кавказе. Существовавшие в тот период отношения не следует характеризовать как вассальные из-за несоответствия "формационного уровня" соседей и отсутствия регламентированной службы вайнахских вооруженных отрядов в боевых предприятиях кабардинских князей.

В рассматриваемый период происходит активизация социальных процессов у вайнахов во многом под влиянием кабардинских княжеских традиций.

Односторонние набеги, рейды за добычей постепенно сменяются все более серьезным отпором равнинным отрядам, вайнахские поселения возникают там, где ранее господствовали кабардинцы. Решающий прорыв на плоскость происходил не одновременно и не сразу освободил "горных людей" от зависимости кабардинцам. В этих условиях постепенно развиваются и множатся невоенные отношения, которые позволили С.Броневскому в начале XIX в. утверждать, что малокабардинцы "живут в дружбе с ингушами". Этой тенденции способствовала и политика России, вовлекающая в сферу своего влияния не только кабардинцев, но и особенно с XVIII в., другие народы Северного Кавказа. Миграционный поток вайнахов на север смог реализоваться не только в связи с ослаблением кабардинских позиций, но и изживанием кабардино-вайнахских антагонизмов и налаживанием этнокультурных связей.

Во втором параграфе "Некоторые элементы связей и взаимодействий" утверждается, что длительное соседство и широкий спектр общения кабардинцев и вайнахов в бассейне р. Сунжа, как и других районах Притеречья, определили разнообразные формы не просто взаимных отношений, но результативного взаимовоздействия двух этнических массивов, которое более всего протекало на стыке гор и равнин, в пограничной, контактной зоне. Система взаимосвязей охватывала почти все сферы повседневной жизни, культуры и быта.

Этногенетические предания, данные антропологии свидетельствуют о родстве некоторых вайнахских и кабардинских "фамилий" (как по отцовской, так и по материнской линиям). Это могло быть результатом межэтнических браков, форм искусственного родства, возникавших на основе общесеверокавказских обычаев куначества и аталычества.

О тесных кабардино-вайнахских связях свидетельствуют изменения в хозяйственных занятиях соседей, например, переход к отгонному скотоводству у кабардинцев, разведение кабардинских пород скота вайнахами.

Кабардинское влияние проявилось в одежде, оружии, этикетных нормах вайнахов. Взаимовоздействие этнических групп ярко прослеживается в языке и фольклоре.

Не утратила своей актуальности основополагающая мысль В.И. Абаева о том, что "все народы Кавказа, не только непосредственно соседствующие друг с другом, но и более отдаленные, связаны между собой сложными и противоречивыми нитями языковых и культурных связей. Создается впечатление, что при всем непроницаемом разноязычии на Кавказе складывался единый в существенных чертах культурный мир"¹.

Таким образом, характер и содержание кабардино-вайнахских взаимоотношений в XVI - первой половине XVIII в. в очерченном ареале с самого начала определялись военно-политической составляющей. Нельзя вести речь о "завоевании" Ингушетии и прилегающих к ней районов, но набеговая система кабардинцев, преследующая цель обогащения захваченной добычей, прослеживается на протяжении всего исследуемого периода. Сперва разбойные и охотничьи отряды, а затем военные формирования, дружины князей охватили своими рейдами не только ближайшие предгорья, но и высокогорные ущелья. Они получали постоянно усиливающийся отпор, сталкивались со встречными набегами, но, в целом, привели к установлению отношений зависимости и данничества "горных людей" адыг-

¹ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. - М.; Л.: АН СССР. - 1949. - Т. 1, С. 89.

ским феодальным владетелям, препятствовали нарастающей потребности вайнахов колонизовать равнинные земли вплоть до середины XVIII в., когда местная обстановка полностью изменилась.

В контексте рассматриваемых событий и явлений налаживаются этнокультурные связи и взаимовоздействия, которые нашли свое отражение (разной степени документированности и доказательности) в плоскости личной, семейной и общественной практики, пронизывающей почти что все сферы повседневной жизни соседних этнических массивов. Проанализированные источники (в их числе значительное место занимают фольклорные произведения вайнахов и памятники материальной культуры) не оставляют, как нам представляется, сомнений в поступательном развитии позитивных процессов кабардино-вайнахских взаимоотношений, накоплении положительного опыта, что заметно обогащало общесеверокавказскую историческую панораму накануне и в ходе включения местных народов в состав многонационального Российского государства.

В **Заключении** делаются выводы по теме.

Выполненное исследование позволило по-новому подойти к мобилизации и изучению источниковой базы подобного рода внутрикавказских, конкретно локальных и вместе с тем, многоаспектных исторических тем. Предпринятый анализ и синтез данных разных наук и исторических дисциплин, многообразных источников, в том числе письменных (документальных и нарративных), археологических, картографических, фольклорных, топонимических, лингвистических, эпиграфических, изобразительных и др.; дал возможность придать междисциплинарный характер историографическому разделу и достаточно широкий, но крайне разобренный состав предшествующей научной литературы выстроить в единую исследовательскую панораму с общими позициями и открытиями и очевидными пунктами проблемности и дискуссионности.

Принципиально важным вопросом стало установление времени и условий начала освоения кабардинцами плоскостных земель сунженского побережья (как части бассейна р. Терек). Критически проанализировав все существующие гипотезы, мы отстаиваем точку зрения, согласно которой появление кабардинцев в изучаемом ареале произошло не ранее рубежа XV-XVI вв. Первоначально они представляли собой подвижные военно-грабительские и охотничьи отряды, действовавшие на безлюдных в то время равнинных землях, прямо прилегающих к горным местам обитания вайнахских обществ.

С середины XVI и вплоть до начала XVIII в. кабардинцы плотно населяют берега р. Сунжа и прилегающие районы к северу от нее, формируя довольно устойчивые феодальные фамильные владения. Среди них особую роль, как представляется, играла "Идарова Кабарда". Ей оказалось суждено занять важное место в установлении системы не только активных и последовательных взаимоотношений с Московской Русью, но и контактов с различными вайнахскими обществами и их лидерами, вовлекая их в общекавказский исторический процесс.

В результате внутриадыгских междоусобиц и жесткого воздействия внешних факторов прослеживаются подвижность и перемещения мест стабильного присутствия кабардинцев, однако они не удаляются от устья тех рек, ущелья которых приводили их к нарастающим взаимным контактам с вайнахами.

Вследствие дальнейшего обострения обстановки в специфических условиях положения независимой ("вольной" - по Белградскому трактату 1739 г.) Кабарды наступает конец кабардинскому пребыванию и контролю над плоскостными землями в бассейне р. Сунжа. Кабардинцы оставляют регион, перемещаясь к северу и северо-западу, на равнинах же все активнее расселяются вайнахи - выходцы с гор.

Все это приводит к принципиальным изменениям этно-политической карты равнинных земель вдоль течения Сунжи и к последнему этапу кабардино-вайнахских взаимоотношений в указанном географическом ареале.

В рассматриваемый период военная составляющая кабардино-вайнахских связей была постоянно велика.

Практика регулярных набегов за добычей княжеских дружин и отрядов адыгских удальцов в горные районы имела следствием не только ошутимое ограбление тамошних обществ, но и установление властной зависимости, данничества многих вайнахов от кабардинских феодалов.

Эти пагубные рейды всегда встречали более или менее сильный отпор, а также порождали ответные набеги с разной степенью результативности. Вместе с тем, постепенно нарастала тенденция совместных действий против общих (постоянных или временных) врагов в беспокойной и изменчивой ситуации Малой Кабарды. Улавливаются отголоски боевого побратимства, носившие, как правило, индивидуальный, личный характер. Именно в этой плоскости можно рассматривать эпизоды союзнических, совместных действий с кабардинскими князьями исторически засвидетельствованных вайнах-

ских лидеров (таких как Ушаром, Ших-Мурза, Султан-Мурза) и некоторых героев ингушского фольклора, отразивших ситуации исследуемого периода.

Более того, тесное, непосредственное соседство поселений и кладбищ двух народов служит знаком налаживания системы взаимовыгодного партнерства между частью обитателей плоскости и горским "тылом" перед лицом общих угроз. Эта тенденция не преобладала, но, хотя бы отчасти, смягчала вооруженное противостояние вплоть до самого значимого в местной истории события - колонизации вайнахами ранее контролируемых кабардинцами плоскостных земель.

В том же русле, в целом, развивались и социальные отношения соседей. Под воздействием достаточно развитой общественной иерархии в княжеских "улусах" Малой Кабарды активизировалась и соответствующая область жизни вайнахских групп, эволюционировавших в сторону раннефеодального статуса. И несмотря на то, что у горцев этот процесс не получил (и не мог получить!) своего завершения, он прослеживается по письменным, археологическим и фольклорным данным. Подобные превращения стимулировались и административно-политическими действиями российской администрации на Тереке. Они укрепляли вполне прослеживаемые тенденции и реальные проявления невоенных факторов кабардино-вайнахских взаимоотношений, обеспечивавших в повседневных, длительных связях появление куда более глубоких и сложных форм взаимовоздействия.

Серьезным фактором сближения двух соседних этнических массивов являлись смешанные браки и иные формы породнения семей. Подобные случаи, увековеченные устным народным творчеством, весьма характерны. Они ярко отразились в общественном сознании народов. Другим свидетельством тесного общения двух этнических массивов является постоянно возрастающий фонд заимствованных имен и фамилий в кабардинской и вайнахской среде, как и некоторые (пока что специально не исследованные) антропологические признаки, устанавливаемые в краниологических образцах позднего средневековья.

Существенные параллели и взаимные влияния фиксируются в сфере обычаев соседних народов (гостеприимство, аталычество, куначество и др.). Следствием таковых являлось и неоднократно отмеченное двуязычие наиболее деятельных представителей кабардинцев и вайнахов, так же как постепенно складывающаяся общность многих черт материальной культуры (прежде всего одежды, предметов вооружения и быта). При доминиро-

вании здесь кабардинских образцов, вайнахские элементы в ряде случаев просматриваются вполне определенно.

Слабее выявлены и изучены последствия хозяйственных заимствований и взаимовлияний. Но они есть и нашли отражение в приведенных в работе материалах.

Образцом для подражания, органического усвоения, своего рода колонизации у вайнахской верхушки стал адыгский этикет, распространившийся и среди других кавказских народов, соседствовавших с кабардинцами.

Разумеется, не все факты, явления, тенденции и последствия истории кабардинцев и их взаимовоздействия с вайнахами удалось выявить и проанализировать. Однако и нынешний их состав, очевидно, обогащает общую палитру, приближает написание давно назревшего сводного труда по истории полиэтничного населения бассейна р. Терек в XVI-XVIII вв.

В новейшей научной литературе совершенно справедливо подчеркивается, что в последние полтора десятка лет этническая и социально-политическая ситуация на Северном Кавказе "почти исключительно стала определяться в логике и категориях конфликтологии, а образ региона формируется в парадигме конфликтного мышления"¹. Автор считает бесспорной и чрезвычайно актуальной задачей выявление и системный анализ факторов межэтнической, региональной и общероссийской интеграции во всех ее жизненных проявлениях, на всех этапах прошлого и настоящего народов, объединившихся в границах Российского государства. Этому должно послужить и выполненное диссертационное исследование.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

1. Шаова С.Д. Кабардинцы и вайнахи в зоне своего соседства // На стыке гор и равнин: проблемы взаимовоздействия. Материалы аспирантско-преподавательских семинаров. Вып. 3. - Армавир, 2000. - С. 9-11 (0,2 п.л.).

¹ Черноус В.В. Социально-политический процесс на Юге России от вспышки ксенофобии к регенерации этнокультурного взаимодействия и осознанию единого гражданства // Ксенофобия на юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 6. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦВШ, 2002. - С. 7-9.

2. Шаова С.Д. Следы пребывания кабардинцев в топонимии Ингушетии и Чечни // Вопросы северокавказской истории. Сборник научных статей. Вып. 5. - Армавир, 2000. - С. 27-30 (0,3 п.л.).

3. Шаова С.Д. Из истории изучения кабардино-вайнахских взаимоотношений XVI-XVIII веков // Вопросы северокавказской истории. Сборник научных статей. Вып. 6. Ч. 2. - Армавир, 2001. - С. 31-37 (0,5 п.л.).

4. Шаова С.Д. История свидетельствует // "Грузинский и русский народы, вы - братья !" Материалы аспирантско-преподавательских семинаров. Вып. 4. - Армавир, 2001. - С. 18-20 (0,2 п.л.).

5. Шаова С.Д. "Черкесы-казаки" в бассейне Терека // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. - Армавир, 2002. - с. 23 (0,1 п.л.).

Подписано к печати: 17.01.2003 г. Бумага писчая.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 1,5.

Уч. изд. л. 1,6. Заказ № 129.

Тираж 100 экз. Лицензия ЛР № 021282.

© Редакционно-издательский центр АГПИ,
352900, Армавир, ул. Кирова, 50.